

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1897—1898.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ТРЕХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1899.

Тамгалы-тасъ

(урочище Капчагай ¹⁾ Копальскаго уѣзда, Балгалинской волости).

24 Сентября 1897 года я выѣхалъ изъ города Вѣрнаго, въ сопутствіи переводчика губернскаго секретаря Г. Л. Асанова, въ выселокъ Илійскій Вѣрненскаго уѣзда, отстоящій въ 71 верстѣ отъ областного города Вѣрнаго, по почтовому тракту, а оттуда 25 Сентября на урочище Капчагай Копальскаго уѣзда, по правому берегу рѣки Или. Ночевать расположились мы съ 25 на 26 Сентября въ аулѣ бія Аскарбека Байсарыева, отстоящемъ отъ урочища Капчагай верстахъ въ семи, такъ какъ на берегу озера не было еще киргизовъ въ это время и они приходятъ къ берегу рѣки на зимовки по выпаденіи перваго снѣга; берега рѣки Или въ это время пустынные. Приѣхали мы въ аулъ Аскарбека въ двухъ тарантасахъ. 26 Сентября мы выѣхали изъ аула на урочище Капчагай, верхомъ.

Тамалы-тасъ лежитъ внизъ по теченію рѣки Или отъ выселка Илійскаго на сѣверо-западъ, верстахъ въ 25 отъ послѣдняго на правой сторонѣ рѣки.

Отъ выселка Илійскаго до урочища Капчагай или Тамгалы-тасъ ²⁾ дорога, послѣ переправы черезъ рѣку Или по мосту, идетъ на сѣверо-западъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки, по правому ея берегу внизъ; въ общемъ отстоитъ она отъ берега версты на три. Отъ моста дорога сначала версты полторы идетъ холмистыми песками, а потомъ по ровному и твердому грунту, постепенно приближаясь къ берегу рѣки. Впереди все время виднѣтся хребетъ Малай-сары, а сбоку и назадъ рисуется въ голубоватой дымкѣ Заилійскій Ала-тау. Пройдя такимъ путемъ верстъ восемнадцать,

1) Словомъ *Капчагай* вообще называются скалистые, отвѣсные берега рѣки. Подобное урочище *Капчагай* есть и на лѣвомъ берегу рѣки Или, въ сосѣдствѣ съ урочищемъ Карой.

2) Хранитель зоологическаго музея Петербургскаго университета А. М. Никольскій, ѣздившій въ 1884 г. внизъ отъ выселка Илійскаго до озера Балхаша на лодкѣ, пишетъ, что «верстахъ въ 30 отъ высел. Илійскаго на прибрежной отвѣсной скалѣ начерчено огромное изображеніе челоуѣка, видимо китайской работы». (Записки Запад. Сибир. Отд. Император. Русск. Географ. Общ., кн. VII вып. 1, стр. 53).

Г. В. Фишеръ въ статьѣ «Озеро Балхашъ и теченіе р. Или отъ выселка Илійскаго до ея устьевъ» (книж. VI Запис. Запад. Сибир. Отд. Географ. Общ. за 1884 г.) пишетъ, что «7 августа судно «Св. Николай» подошло къ камню Тагилъ-Галы-ташъ, на которомъ высѣчено изображеніе идола и надписи. Въ этотъ день судно пло частью бичевою и сдѣлало около 5 верстъ. Камень Ташъ-Галы-ташъ отстоитъ отъ урочища Чильгоранъ примѣрно въ 160 верстахъ» (стр. 20).

Ясно, что названіе камня испорчено при печатаніи и должно быть «Тамгалы-тасъ».

Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XI.

дорога круто поворачиваетъ къ рѣкѣ и извилисто спускается по склону въ глубокую долину на протяженіи двухъ верстъ къ броду Тамгалы-тасть, отъ котораго по долинѣ рѣки и доходитъ до урочища Тамгалы-тасть ¹⁾.

На всемъ этомъ пространствѣ съ главной колесной дороги находятся свертки влѣво отъ нея—это дороги, по которымъ ѣздить на рыбалку къ рѣкѣ Илійскіе казаки.

Въ верхнемъ теченіи своемъ отъ выселка Илійскаго до рѣчки Карабулака, на протяженіи до 45 верстъ, рѣка Или имѣетъ высокіе и каменистые берега, а въ среднемъ и нижнемъ теченіи до озера Балхаша—низкіе, илистые, поросшіе камышами, и рѣдкими таловыми кустами.

Грунтъ здѣсь твердый и каменистый; мѣстность представляетъ нагорную степную возвышенность, съ выдающимися кое-гдѣ невысокими и отлогими вершинами, или холмами.

Возвышенность эта, понижаясь постепенно къ рѣкѣ, оканчивается крутыми каменистыми утесами, которые, достигая иногда высоты 25 сажень, тянутся по обѣимъ сторонамъ рѣки болѣе чѣмъ на 20 верстъ, образуя такимъ образомъ видъ ущелья, по которому несется полоса лѣтомъ мутной сѣровой воды.

Утесы эти состоятъ отчасти изъ гранита, отчасти изъ краснаго плитняка и порфиrowъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они близко придвинуты къ рѣкѣ съ обѣихъ ея сторонъ и торчатъ отвѣсно. Почва на всемъ протяженіи отъ поселка Илійскаго до рѣчки Карабулака твердая, песчано-глинистая, мѣстами усыпанная мелкою дресвой и поросшая разными густыми травами, которыми скотъ питается весной, осенью и зимою. Въ особенности много растетъ здѣсь травы ибелекъ, которую лошади весьма любятъ.

Кромѣ ибелека (*Ceratocarpus* Sp.) растетъ здѣсь во множествѣ — читьрь, джусанъ (*Artemisia*—полынь), изекъ (тоже), терскенъ, акъ-мамукъ, чиралджинъ, карабаракъ (*Holostachys* Sp.), сарагачъ, тобулгу (таволга), иргай, кылча (кузымичева трава) акъ-текенъ, кусканъ-басъ и чингиль (*Halomodendron argenteum*). Весной вся мѣстность эта покрыта черепахами.

Мѣста эти изобилуютъ всякою дичью и сюда пріѣзжаютъ охотники и

1) На всѣхъ картахъ здѣсь показывается бродъ Учъ-аралъ, о которомъ мѣстные киргизы рассказываютъ, что въ этомъ мѣстѣ въ прежнее время былъ построенъ чрезъ рѣку мостъ, остатки отъ котораго на камняхъ можно видѣть и въ настоящее время; дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ стоитъ въ рѣкѣ камень. Постройка моста приписывается, по обыкновенію, калмыкамъ. Нужно замѣтить, что постройка моста здѣсь, хотя бы въ самомъ грубомъ видѣ, вполне возможна: бродъ образовался изъ гряды камней, пересекающихъ рѣку, по которымъ опытные люди благополучно переправляются на другой берегъ такой многоводной и широкой рѣки, какъ Или.

изъ Вѣрнаго. Изъ съдобнаго звѣря много здѣсь фазановъ, зайцевъ, кабановъ, гусей, дроучъ.

Все это пространство на 15 и болѣе верстъ отъ рѣки непригодно совсѣмъ для земледѣлія и не можетъ быть орошено, ибо вся прилегающая степь безводна.

Спустившись въ указанномъ выше мѣстѣ внизъ къ берегу рѣки Или, мы увидѣли отвѣсныя скалы, у подножія которыхъ валялись во множествѣ отдѣлившіеся отъ нихъ разной величины камни; на нѣкоторыхъ-то изъ нихъ и находятся изображенія, послужившія цѣлью нашей поѣздки сюда.

Надписи и изображенія бурхановъ расположены на камняхъ, обрушившихся давно съ высокаго скалистаго берега. Отъ разрушенія берега образовалась на неширокой ровной долинѣ рѣки гряда громаднхъ камней, отстоящихъ отъ воды въ 4—10 саженьхъ.

Окрестныя скалы и эти камни состоятъ изъ порфировъ и красныхъ песчаниковъ. Нагромождены камни громадной кучей и ходить по ней весьма неудобно; нѣкоторыя мѣста даже не доступны для посѣтителя. Лицевая сторона этихъ камней съ изображеніями и надписями расположена на югъ и юго-западъ, по направленію къ рѣкѣ и проходящей вдоль по берегу ея тропинкѣ.

Всѣхъ камней съ болѣе или менѣе сохранившимися знаками (тамга) нами найдено восемнадцать. На самомъ большемъ изъ этихъ камней высѣчены три изображенія бурхановъ и съ правой стороны внизу (если смотрѣть на бурхановъ) сдѣланы надписи (№ 1 нашихъ снимковъ).

Ниже этого бурхана влѣво № 2 и затѣмъ далѣе правѣ № 3 есть еще два отдѣльныхъ камня съ одноличными изображеніями бурхановъ. Надъ головой лѣваго бурхана изображено семь змѣй.

Изображенія этихъ бурхановъ довольно вывѣтрились и вышли бы не совсѣмъ отчетливо на фотографическихъ снимкахъ, но при фотографированіи нѣкоторые были обсыпаны мукой, дабы штрихи вышли яснѣе.

Всего, такимъ образомъ, изображеній бурхановъ найдено здѣсь пять: три на одномъ камнѣ и два на другихъ двухъ камняхъ; изъ послѣднихъ двухъ одинъ (лежащій лѣвѣе большаго бурхана) не имѣетъ надписей. На камнѣ этомъ сидитъ человѣкъ.

Кромѣ камней съ изображеніями бурхановъ, есть еще на семи отдѣльныхъ камняхъ крупныя и мелкія калмыцкія и тибетскія надписи, которыя также сняты мною фотографически и при семъ прилагаются.

Высота главнаго камня съ тремя бурханами $7\frac{3}{4}$ аршина, ширина его по діагонали отъ головы лѣваго бурхана до низу письменъ— $4\frac{1}{2}$ сажени.

Надпись съ монгольскими письменами (№ 4) выбита на камнѣ, который высотой 4 аршина 4 вершка, а шириною 1 сажень 13 вершковъ.

Расположеніе главнѣйшихъ камней съ бурханами и надписями прекрасно видно на фотографическомъ снимкѣ, представляющемъ общій видъ сей мѣстности. Надъ бурханами помѣщены люди для того, чтобы замѣтнѣе было ихъ мѣстонахожденіе. По фотографическому снимку можно судить о планѣ расположенія памятниковъ, разстоянія между ними и приблизительныхъ размѣрахъ общей площади, занимаемой ими.

Окрестные жители—киргизы, кочующіе въ этой мѣстности, говорятъ только, что они изъ разсказовъ своихъ предковъ знаютъ, что начерченныя изображенія и надписи на камняхъ, были сдѣланы калмыками, еще до прихода на эти мѣста киргизовъ.

Кочующіе здѣсь киргизы прибыли сюда лѣтъ двадцать тому назадъ съ рр. Каратала и Коксу; раньше ихъ жили здѣсь *дулаты*, которые ушли въ Бѣренскій уѣздъ.

О Тамгалы-тасѣ киргизы эти имѣютъ весьма недостаточныя свѣдѣнія.

Мѣстность *Тамалы-тасъ* получила свое названіе уже отъ киргизовъ. *Тамалы-тасъ* на Тюркскомъ языкѣ значить «камень со знаками».

Памятникамъ этимъ, повидимому, не грозитъ опасности быть попорченными отъ размыванія водою, обваловъ, культуры окрестной мѣстности, какихъ либо искусственныхъ сооружений и тому подобныхъ причинъ; единственный врагъ ихъ можетъ быть *время*; отъ времени, отъ разныхъ атмосферическихъ причинъ грозятъ вывѣтриваніе и разрушеніе этихъ камней, что наблюдается и теперь.

Благодаря этому обстоятельству съ нѣкоторыхъ камней не удалось получить фотографическихъ снимковъ.

Н. Пантусовъ.

г. Вѣрный, ноябрь 1897.

Объясненія надписей и изображеній Тамгалы-Таса¹⁾.

Рисунокъ № 1-й представляетъ «Общій видъ камней Тамгалы-тасъ» и назначенъ, вѣроятно, для того чтобы показать всю громаду этой скалы. Надписи и изображенія на немъ едва замѣтны и отыскивать ихъ здѣсь весьма не легко; поэтому изслѣдователи прекрасно поступили, давъ, и даже въ двухъ экземплярахъ

1) [Изъ присланныхъ Н. Н. Пантусовымъ 34 снимковъ (съ 17 камней) здѣсь помѣщаются лишь наиболѣе характерныя, а именно № 2 Общій видъ = Табл. XIV и № 3 в. = Табл. XV. *Ред.*].

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1897—1898.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ТРЕХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

Расположеніе главнѣйшихъ камней съ бурханами и надписями прекрасно видно на фотографическомъ снимкѣ, представляющемъ общій видъ сей мѣстности. Надъ бурханами помѣщены люди для того, чтобы замѣтнѣе было ихъ мѣстонахожденіе. По фотографическому снимку можно судить о планѣ расположенія памятниковъ, разстоянія между ними и приблизительныхъ размѣрахъ общей площади, занимаемой ими.

Окрестные жители—киргизы, кочующіе въ этой мѣстности, говорятъ только, что они изъ разсказовъ своихъ предковъ знаютъ, что начерченныя изображенія и надписи на камняхъ, были сдѣланы калмыками, еще до прихода на эти мѣста киргизовъ.

Кочующіе здѣсь киргизы прибыли сюда лѣтъ двадцать тому назадъ съ рр. Каратала и Коксу; раньше ихъ жили здѣсь *дулаты*, которые ушли въ Бѣренскій уѣздъ.

О Тамгалы-тасѣ киргизы эти имѣютъ весьма недостаточныя свѣдѣнія.

Мѣстность *Тамалы-тасъ* получила свое названіе уже отъ киргизовъ. *Тамалы-тасъ* на Тюркскомъ языкѣ значить «камень со знаками».

Памятникамъ этимъ, повидимому, не грозитъ опасности быть попорченными отъ размыванія водою, обваловъ, культуры окрестной мѣстности, какихъ либо искусственныхъ сооружений и тому подобныхъ причинъ; единственный врагъ ихъ можетъ быть *время*; отъ времени, отъ разныхъ атмосферическихъ причинъ грозятъ вывѣтриваніе и разрушеніе этихъ камней, что наблюдается и теперь.

Благодаря этому обстоятельству съ нѣкоторыхъ камней не удалось получить фотографическихъ снимковъ.

Н. Пантусовъ.

г. Вѣрный, ноябрь 1897.

Объясненія надписей и изображеній Тамгалы-Таса¹⁾.

Рисунокъ № 1-й представляетъ «Общій видъ камней Тамгалы-тасъ» и назначенъ, вѣроятно, для того чтобы показать всю громаду этой скалы. Надписи и изображенія на немъ едва замѣтны и отыскивать ихъ здѣсь весьма не легко; поэтому изслѣдователи прекрасно поступили, давъ, и даже въ двухъ экземплярахъ

1) [Изъ присланныхъ Н. Н. Пантусовымъ 34 снимковъ (съ 17 камней) здѣсь помѣщаются лишь наиболѣе характерныя, а именно № 2 Общій видъ = Табл. XIV и № 3 в. = Табл. XV. *Ред.*].

Рисунок № 2-й «Общего вида камней Тамгалы-тасъ», гдѣ скала снята въ нѣсколько меньшемъ объемѣ, захвативъ исключительно самый районъ надписей. Предупредительность изслѣдователей выразилась здѣсь въ томъ, что они, очевидно съ умысломъ, разставили членовъ своей экспедиціи у каждаго отдѣла надписей и изображеній и это даетъ возможность удобнѣе отыскать, гдѣ именно располагаются на скалѣ самыя надписи и изображенія. Слѣдую за ними по порядку.

Выше всѣхъ другихъ рисунковъ расположены, кажется, изображенія трехъ буддійскихъ божествъ съ начертанными подъ ними надписями на тибетскомъ языкѣ. Фотографіи этой тріады находятся въ альбомѣ въ трехъ различныхъ снимкахъ. Первый изъ нихъ (№ 3-й а), — (въ двухъ экземплярахъ) — представляетъ самыя крупныя фигуры буддъ; второй (№ 3-й б) — нѣсколько меньшія; третій (№ 3-й в) — самый мелкій, но въ тоже время и самый отчетливый. Что до объясненія этихъ изображеній, то срединное изъ нихъ представляетъ собою

Бурхана, именуемаго у монголовъ и чжунгаровъ «Дурбэнъ моторту Арія-бало», т. е. «четверорукий Арія-бало, котораго тибетцы зовутъ «Тутс-рчже-чен-бо», или еще болѣе обыкновенно Чжан-рай-сикъ (ཇམ་རལ་སེམས་པ་).

Настоящее изображеніе даетъ мнѣ случай отмѣтить несправедливое замѣчаніе Пандера, будто бы «Aryapāla wird immer stehend mit acht Armen abgebildet» (Das Pantheon. s. 70). Изображеній Арія-бало вообще очень много: бываютъ въ стоящей позѣ, но еще болѣе въ сидящихъ положеніяхъ. Наиболѣе обыкновенная форма Чжан-рай-сикъа это представляемая настоящимъ рисункомъ, въ которомъ онъ изображается въ видѣ индійскаго царевича, съ 13-ю украшеніями въ костюмѣ. Лицо у него всегда бѣлаго цвѣта. Онъ сидитъ въ «алмазной» позѣ, съ переднею парю рукъ, сложенныхъ какъ бы для молитвы, изъ числа же двухъ заднихъ рукъ въ правой — онъ держитъ хрустальныя четки, а въ лѣвой — цвѣтокъ лотуса съ длиннымъ стеблемъ. Эти формы изображенія Арія-бало принадлежатъ позднѣйшему тантрическому періоду. Современные ламаиты смотрятъ на Арія-бало какъ на эманацию будды Амитабы, воплощеніемъ же его въ настоящую пору почитается далай-лама. Чжан-рай-сикъ вмѣстѣ съ Маньчжушри и Очиръ-вани (Ваджра-пани) почитаются у тибетскихъ и монгольскихъ буддистовъ защитниками ламаизма и въ этомъ смыслѣ они даютъ имъ общее названіе «рин-сумъ-гом-бо», подобно тому какъ у древнихъ брахмановъ составляли три-мутри Брами, Вишну и Шива. Замѣчательно, что символическіе предметы у Чжан-рай-сикъа тѣже самыя что и у Брамь: лотусъ и четки.

Подъ изображеніемъ Чжанрайсика на скалѣ видна длинная надпись:

второмъ снимкѣ (№ 4-й б), имѣющемся въ двухъ экземплярахъ. Взглянувъ на этотъ снимокъ, мы видимъ, что это изображеніе такъ называемаго въ просторѣчій «Лунъ-вана» — царя драконовъ, полное имя котораго по тибетски Чжал-ба Лу-ванъ-ги-чжал-бо (ཉལ་བ་ལུ་རྒྱ་རྒྱ་རྒྱ་ལུ་བོ་). По вѣрованіямъ ламаитовъ, Лу-ванъ — геній хранитель пространствъ земли, почему изображенія его ставятся на отличныхъ мѣстахъ, а въ молебствіяхъ при освященіи подобныхъ урочищъ ламаиты обращаются къ Лу-вану о храненіи освящаемаго ими мѣста. Въ составленномъ ламою Сумади «обрядѣ постановки обѣ» (འཇམ་དཔལ་ལོ་སྟོན་གྱི་འཇམ་པལ་ལོ་སྟོན་), для освященія мѣстъ, находимъ такую замѣтку о Лу-ванѣ: «Божество, именуемое могущественнымъ ханомъ драконовъ имѣетъ синее тѣло и бѣлое лицо, надъ головою украшено семью драгоцѣнными змѣями, держитъ руки въ положеніи «проповѣдыванія» ученія, спасающаго драконовъ и злосчастныхъ существъ и облачено въ три священныя одежды. Съ правой стороны его сидятъ бодисатвы, слѣва — многочисленные арханы, а спереди сонмъ повелителей драконовъ; всѣ они предстоятъ, сложивъ ладони и преклонивъ колѣна предъ побѣдоносно прешедшимъ. Божество это за много калпъ раньше достигнувъ состоянія будды умирило злобствующихъ царей драконовъ и проповѣдало имъ священнѣйшее ученіе; въ награду за что ему и было поднесено семь драгоцѣнныхъ змѣй въ видѣ украшения на голову. Въ мѣстѣ, гдѣ находится этотъ будда, не можетъ быть наводненій и мученій, причиняемыхъ драконами; возстанія владыкъ мѣстности и всякія злосчастія исчезаютъ. Обитаетъ этотъ будда въ мірѣ, именуемомъ «медвяноплоднымъ» (འབྲུག་ལོ་སྟོན་)».

Изображеніе третьяго бурхана представляется однимъ снимкомъ (№ 5-й а), присланнымъ въ двухъ экземплярахъ. Это — бурханъ, именуемый Митюкба (མི་འབྲུག་པ་), что по буквальному переводу значить «невозмутимый». Божество это принадлежитъ къ числу тантрическихъ буддъ и отличительный признакъ его составляетъ возстановленный на лѣвой ладони вачяръ (ваджра). Съ правой стороны рисунка начертаны по тибетски тарни Митюкба:

ན་མོ་རྒྱ་རྒྱ་ལུ་བོ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་	Намо-ра-дна-да-рь-я-я-омъ-гам-га-ни
ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་	гам-га-ни ро-за-ни ро-ни-ро-ни
རྒྱ་མོ་རྒྱ་མོ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་	дра-са-ни-дра-са-ни-бри-да-ха-на-бри-да-ха-
	на-са-рва-
ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་	гар-ма-ба-рам-ба-ра-ни-мам-сар-рва-са-до-
	нян сва-ха.

Переводить эти тарни, какъ и вообще всѣ мистическія изреченія внѣ знанія санскрита, рѣшительно невозможно; извѣстно только, что у ламаитовъ они имѣютъ значеніе заклинаній и охранительныхъ формулъ. Такова же общепотребительная у ламаитовъ шестисложная формула «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ». На разсматриваемомъ камнѣ и снимкѣ съ онаго она изображена четыре раза, а именно, на самомъ верху праваго угла камня тибетскими буквами: ཨ་མ་ཎི་པ་དྨུ་མུ་མ་ и, нѣсколько ниже помянутыхъ тарни бурхана Митюкба, — трижды калмыцкими буквами, въ однообразной формѣ: ཨ་མ་ཎི་པ་དྨུ་མུ་མ་. Кроме сего здѣсь же видна попытка начертать эту формулу въ томъ же видѣ и въ четвертый разъ, но памятникъ этой попытки остался только четыре, да и то не полныхъ буквы ཨ་མ་ཎི་པ་དྨུ་མུ་མ་.

Таже формула «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ» и совершенно въ томъ же видѣ начертана тибетскими буквами еще

1) на камнѣ, представленномъ въ двухъ различныхъ снимкахъ: № 6-й а — помельче и № 6-й б — покрупнѣе. Какой то русскій подставилъ здѣсь нѣсколько ниже тибетской надписи дату своего посѣщенія Тамгалытаса, — 1887;

2) на камнѣ и снимкѣ № 7-й, представленномъ въ двухъ экземплярахъ. Сверху въ горизонтальной и нѣсколько наклоненной вправо строкѣ тибетскими буквами, а нѣсколько ниже въ прямой горизонтальной строкѣ — калмыцкими буквами. Тотъ же камень, только въ уменьшенномъ видѣ, несомнѣнно, снятъ и на фотографіи № 7 б; въ этомъ убѣждаютъ насъ какъ положеніе буквъ, такъ и расположеніе ихъ на камнѣ;

3) на камнѣ и снимкѣ № 8-й, представленномъ также въ двухъ экземплярахъ, формула «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ» была начертана два раза калмыцкимъ алфавитомъ и обѣ эти надписи не сохранились полностью: отъ верхней осталось четыре слога, а отъ нижней только три;

4) на камнѣ и снимкѣ № 9-й (опять въ двухъ экземплярахъ) таже формула является начертанною тибетскими буквами, причемъ послѣднія двѣ буквы ཨ་མ་ཎི་ также еле замѣтны;

5) на камнѣ и снимкѣ № 10-й (въ одномъ экземплярѣ) формула «мани» снова начертана два раза калмыцкими буквами; причемъ верхняя надпись сохранилась больше, — въ ней утратился лишь одинъ слогъ མུ་མ་, — въ нижней же надписи имѣются только первые четыре слога;

6) на камнѣ и снимкѣ № 11-й (въ одномъ экземплярѣ) представлена

полная формула «мани», начертанная въ горизонтальной строкѣ тибетскими буквами. Надпись эта, повидимому, вообще была исполнена очень плохо.

Наконецъ 7) на камнѣ и снимкѣ № 12-й (опять въ одномъ экземплярѣ) формула «мани» начертывается тибетскими буквами въ вертикальной строкѣ

ཨོཾ

и притомъ изображена сокращенно, тремя слогами ཨོཾ་མུཾ་ཧུཾ་ «Ом-а-хумъ», т. е.

ཨོཾ་
མུཾ་
ཧུཾ་

въ томъ видѣ, какъ произносится она при благословеніяхъ.

Помимо отмѣченной шестисложной формулы Авалокитешвары и на ряду съ нею начертываются еще и тарни другихъ буддъ и бодисатвъ. Такъ, на камнѣ и снимкѣ № 13-й (въ одномъ экземплярѣ), подъ формулою «мани», является еще трехсложная формула «омъ-ба-гэ» (ཨོཾ་བཤེ་གེ་), представляющая собою тарни бодисатвы Маньчжури.

Въ болѣе полномъ видѣ таже тарни Маньчжури представлена еще въ двухъ снимкахъ № 14-й а (въ одномъ экземплярѣ), съ болѣе мелкимъ рисункомъ и № 14-й б (въ двухъ экземплярахъ), въ нѣсколько крупнѣйшемъ размѣрѣ. Разсматривая снимокъ этого камня, мы видимъ на самомъ верху его помянутую тарни Маньчжури въ формѣ ཨོཾ་བཤེ་གེ་ཤེ་རྩི་ཨོཾ་ Ом-ба-гя-шо-ри-мум. Ниже ея начертана еще новая формула, въ которой шестисложное «мани» соединено съ послѣднимъ слогомъ тарни Маньчжури, такъ что вся эта формула имѣетъ видъ: ཨོཾ་མ་ཤེ་རྩི་རྩི་ཨོཾ་ Ом-ма-ни-пад-мэ-хум-хри. Подъ нею шестисложное мани изображено калмыцкими буквами; а нѣсколько ниже и правѣе еще новыя тарни Маньчжури: ཨོཾ་མ་རི་ཙཾ་ལྷ་ཏྲ་ Ом-ма-ри-за-мам-со-ха.

На камнѣ и снимкѣ № 15-й (въ двухъ экземплярахъ) встрѣчается еще новая тарни Маньчжури ཨོཾ་ར་བ་ཙ་ན་རྩི་ Ом-ра-ба-за-на-ди.

Камень и снимокъ № 16-й (въ двухъ экземплярахъ), судя по надписи, представляетъ обращеніе къ буддѣ Сакьямуни. Это явствуетъ прежде всего изъ начертанной въ первыхъ двухъ строкахъ формулы: ཨོཾ་སྤྲུག་ཤེ་སྤྲུག་ཤེ་ལྷ་ཏྲ་ཤེ་ Ом-му-ни-муни-ма-ха-му-ни, составляющей тарни Сакьямуни. Подъ нею изображено восклицаніе: སྐུ་མ་ཤེ་ན་ «Ла-ма-чэнь», съ которымъ также обращаются къ буддѣ, особливо въ покаянныхъ молитвахъ. Оно обозначаетъ въ переводѣ: (Ты-самъ) вѣдай, Лама!

Послѣдній камень и снимокъ № 17-й (въ двухъ экземплярахъ) представляется исписаннымъ больше всѣхъ другихъ; къ сожалѣнію, онъ больше другихъ и пострадалъ, а потому чтеніе его почти невозможно. Изображенныя на немъ десять строкъ калмыцкаго письма содержатъ въ себѣ, несомнѣнно, молитвенный текстъ, обращенный, повидимому, ко всѣмъ тѣмъ буддамъ и бодисатвамъ, изображенія которыхъ мы видѣли на отдѣльныхъ камняхъ утеса; но такое предположеніе вытекаетъ у меня лишь изъ нѣсколькихъ словъ, свободно поддающихся чтенію, связать же эти слова въ стройную фразу рѣшительно нельзя.

Вотъ что читается на отдѣльныхъ строкахъ этой надписи: 1) Ом сости! эрк'тү 2) дѣдү оточи кигэтъ акшоб йн 3) эркэтү йэкэ нигүлэсүкчи 4) эсэ зюдыйн аюл 5) түл гү бо г 6) чо йн 7) олху болтугай 8) чу хуй 9) э и 10) о

Это значитъ: 1) Ом-сости! могущественный 2) высочайшій врачъ¹⁾ и Акшоб²⁾ (частица род. пад.) 3) могущественный великомилосердый³⁾ 4) не ужасъ голода 5) 6) (част. род. пад.) 7) да приобрѣтуть 8) 9) 10)

Подъ этою калмыцкою надписью находится одна горизонтальная строка, какъ мнѣ кажется, смѣшаннаго санскритскаго и тибетскаго текста. Къ первому — санскритскому, по моему, относятся начальныя четыре буквы; послѣднюю, т. е. четвертую изъ нихъ, можно было бы, пожалуй, признать за тибетское ཨ (д), но предъ словомъ རྩཱི (чой) она не можетъ имѣть своего мѣста. Собственно тибетская надпись этой строки воспроизводится и читается такъ: རྩཱི་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་ (чой-чжи-чжал-цан-ла-на-мо) т. е. «поклоняюсь Чойчжи-чжалпану». — Личность этого Чойчжи-чжалпана хорошо извѣстна въ исторіи. Онъ жилъ въ 1569—1662 гг. и былъ первымъ ламою, носившимъ титулъ Баньчэнь-римбочэ; устроилъ Чжаши-хлумбо; создалъ далай-ламу, въ лицѣ почитающагося 5-ымъ хубилганомъ Навана и былъ главнымъ виновникомъ подданства Тибета маньчжурамъ.

А. Позднѣвъ.

1) «высочайшій врачъ», калм. «дѣдү оточи» = тиб. ман-ла.

2) «Акшоб», очевидно, — «Акшоби» тоже что тиб. Митюкба.

3) «великомилосердый» калм. «йэкэ нигүлэсүкчи» = тиб. Чжан-рай-сэкъ.

